

УДК 811.161.1

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ НЕВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XV–XVII ВВ.)

Калимуллина Л.А.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» Министерства образования и науки России, Уфа, Россия (450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32), e-mail: lustauf@rambler.ru.

Статья посвящена анализу лексем и фразеологизмов, обозначающих невербальное выражение эмоций, в русском языке XV–XVII вв. Особое внимание уделяется исследованию метонимической и метафорической интерпретации базовых эмоций: радости, печали, страха, гнева, удивления и т.д. Автор дифференцирует несколько групп обозначений невербальной экспрессии эмоций в зависимости от её формы: мимической, кинетической, физиологической и т.д. Для подтверждения семантических процессов приводятся сведения этимологического характера, а также лексические соответствия из других славянских языков: болгарского, польского, чешского. Автор делает вывод об уменьшении числа лексем с синкретичным значением, которые обозначают и само эмоциональное состояние, и его невербальное выражение. Отсутствие данных о диахроническом аспекте невербальных компонентов придаёт исследованию актуальность.

Ключевые слова: невербальный код, эмоции, семантика, русский язык.

THE SEMANTIC PROCESSES IN THE SPHERE OF THE NOMINATIONS OF THE NON-VERBAL EXPRESSION OF THE EMOTIONS: THE DIACHRONICAL ASPECT (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN LANGUAGE OF THE XV–XVII C.)

Kalimullina L.A.

Baskir State University, Ufa, Russia (450074, Ufa, street ZakiValidi, 32), e-mail: lustauf@rambler.ru.

The article is devoted to investigation of the lexemes and idioms which denote the non-verbal manifestation of the emotions in Russian language of the XV–XVII c. Special attention is paid to study of the metonymic and metaphorical interpretation of the basic emotions, joy, sorrow, fear, anger, astonishment etc. The author differentiates several groups of the nominations of the non-verbal expression of the basic emotions according to its form: mimic, kinetic, physiological etc. For the verification of the semantic processes the etymological data and the lexical parallels from Slavonic languages (Bulgarian, Polish, Czech) is given. The author concludes about reduction of the lexemes with the syncretic meaning, which denote the emotional state and its non-verbal manifestation. The insufficiency of the data about the diachronical aspect of non-verbal components makes the research topical.

Keywords: non-verbal code, emotions, semantics, Russian language.

Последние десятилетия развития гуманитарных наук отмечены ростом интереса к изучению невербальных компонентов коммуникации, что можно считать вполне обоснованным: они не просто сопровождают речь, дополняя или уточняя ее, но выступают неотъемлемой составляющей общения, своего рода «коммуникативной универсалией» (термин И.Н. Горелова). В плане активизации исследовательского интереса к невербальным средствам общения лингвистика не является исключением, однако необходимо отметить ее некоторое отставание от других сфер гуманитарного знания. Так, если первые крупные работы психологов, посвященные данному феномену, появились в середине XX в., то лингвисты серьезно заинтересовались этой проблематикой несколько позже [2; 3]. Невербальные компоненты коммуникации онтологически представляют собой единство

физического и психического, однако, будучи включенными в определенный социальный контекст, они начинают выполнять культурно-идентифицирующую функцию, указывая на принадлежность коммуниканта к той или иной лингвокультуре. Данный аспект невербального общения довольно активно обсуждается в современной лингвистике [1; 5], вместе с тем в этой области исследования еще довольно много нерешенных вопросов. Так, особый интерес представляет анализ закономерностей лексико-фразеологической номинации невербальных средств выражения внутренних состояний субъекта, прежде всего эмоциональных, поскольку именно эти закономерности косвенно указывают на особенности психологической самоидентификации этноса. Данная проблематика приобретает еще большую актуальность в том случае, если мы обращаемся к диахроническому аспекту указанных языковых единиц, который в настоящее время изучен недостаточно.

Цель исследования – анализ тенденций семантической динамики в сфере обозначений невербального выражения эмоций в русском языке XV–XVII вв. Для достижения данной цели комплексно рассматриваются соответствующие лексико-фразеологические единицы (далее – параэмотивы) в русском языке указанного периода, при этом для верификации результатов исследования приводятся параллели из современных славянских языков (болгарского, польского, чешского), а в отдельных случаях – индоевропейские и общеславянские соответствия.

При анализе фактического материала использовались как общенаучные **методы** (сравнение, описание, классификация и т.д.), так и **собственно лингвистические методы** (анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, контекстуальный анализ).

Результаты исследования

Как показывает проведенный анализ, в сфере обозначений внешнего выражения эмоциональных переживаний в старорусском языке протекают довольно интенсивные семантические процессы. К примеру, в сравнении с предшествующей эпохой значительно уменьшается число лексем с синкретичным значением, которые одновременно называют и само эмоциональное состояние, и его внешнее выражение, однако небольшой ряд таких единиц представлен и в рассматриваемый период; ср.: *совоздохнути* ‘опечалившись, вздохнуть всем вместе’, *омывати лицо слезами* ‘сильно плакать, горевать о чем-л.’; *плачевословие* ‘жалоба, скорбь, плач’; *осклабленный* ‘1. радостный, улыбающийся; 2. приятный, приветливый’; *плачевно* ‘с плачем, печально’ и т.д.: *Повелѣ им встѣм ити в црков<ь>, свѣща горяща имуща в руку, самъ ж<е> послѣ иде в црковь, и вшед и видѣ народ стоящъ в цркви, бѣлообразующься, и възиде на высоко мѣсто... и реч<е> осклабленным лицем: се изль новыи.* Корм. Балаш., 401. XVI в. [4, вып. 13, с. 94]. Продолжением начавшегося процесса содержательного «упрощения» параэмотивов является утрата

значения состояния в семантической структуре тех единиц, которые выступают однокоренными соответствиями древнерусских лексем, одновременно обозначающих и само эмоциональное состояние/отношение, и его внешнее выражение. Например, глаголы *осклаблятися* I, *осклабитися* I унаследовали от слова *склабитися*, которое в древнерусском языке характеризовалось комплексной семантикой состояния/его внешнего выражения, лишь значение мимического проявления радости ‘улыбаться/улыбнуться’, тогда как значение эмоционального состояния было утрачено и для его передачи возникла необходимость сочетания данных слов с номинативами радости. В старорусском языке мы обнаруживаем довольно большое число таких примеров: др.-р. *смѣхъ* ‘1. смех, хохот; 2. веселье; 3. радость’ – ст.-р. *посмятися* ‘1. рассмеяться’, *насмѣшити* ‘насмешить’ (ср. пол. *rozśmieszyc* ‘рассмешить’); др.-р. *плескание* ‘1. рукоплескание; 2. радость, торжество’ – ст.-р. *плескаться* ‘хлопать в ладоши от радости’ и т.д.: *И повеле игумен кладу разбити и обретоша в клде отрочаплещетя вельми прекрасно*. Пов. о папе Григории, 182. XVII в. [4, вып. 15, с. 88]. В связи с активным протеканием указанных процессов параэмотивная лексика и фразеология в старорусском языке характеризуется более однородной семантикой, которая связана с отражением лишь внешних симптомов эмоций.

Вместе с тем в рассматриваемый период происходит довольно интенсивное пополнение состава параэмотивных единиц, среди которых можно отметить не только лексемы, но и фразеологические обороты образного характера. Последние выражают значение нормативной либо высокой интенсивности эмоций путем описания различных форм их внешнего проявления, в том числе следующие:

– **мимическое выражение:** *просмѣятися* ‘улыбнуться, усмехнуться’ (ср. болг. *засмян* ‘улыбающийся; смеющийся’, чеш. *rousťátise* ‘улыбнуться, усмехнуться’, пол. *pośmiać się* ‘посмеяться’), *попухнѣти*, *попыснѣти* ‘омрачиться, нахмуриться’, *навѣсити чело* ‘нахмуриться; глядеть исподлобья, опутив голову’, *въ лицѣ испасти* ‘похудеть, осунуться (от горя, печали)’; *поулыщание* ‘улыбка’ и др.: *Лице разными подобии... измѣняти: носы сморщивати, чело навѣсити, устнѣ выставляти*. Гражд. об. дет., 52. XVII в. [4, вып. 10, с. 29];

– **кинетическое выражение:** *ласкаться* ‘1. ласкаться’ (ср. о.-с. **laskati (sę)*, чеш. *laskatise* ‘1. ským нежничать с кем-л.’), *ластиться* ‘ластиться, ласкаться’ (ср. о.-с. **lastiti (sę)*, пол. *łasić się* ‘1. ластиться, ласкаться к кому-л.’), *притуляти* ‘прижимать ласково к груди’ (ср. о.-с. **tuliti (sę)*, чеш. *přitulitise* ‘прильнуть, прижаться; приласкаться’, пол. *przytulać się* ‘ласково прижиматься к кому-чему’), *ломати руки* ‘заламывать руки (в знак горя, волнения)’ (ср. чеш. *lomitirukama* ‘заламывать в отчаянии руки’, пол. *załamać ręce* ‘отчаиваться’), *ломити персты* ‘в волнении ломать руки’, *вертѣться на одной ножкѣ* ‘о

неуместно бурном проявлении радости’, *низкий поклонъ, низкое поклонение* ‘глубокий, почтительный поклон’ и т.д.: *Ежели которая девица где в компании видила молотца, а приехав домои, руки ломает, охает и часто вздыхает... Что зделалас(ь)? И она говорит: простудилас(ь)!* Ист. Ал. рос. двор., 171. XVIII в. ~XVII–XVIII вв. [4, вып. 8, с. 279];

– **фонационное**, в том числе **плач**: *мычати* ‘плакать, рыдать’, *заплакати* ‘заплакать’ (ср. болг. *заплача* ‘заплакать’, чеш. *zaplakati* ‘поплакать’, книжн. *zplakati* ‘всплакнуть, заплакать’, пол. *zarłakać* ‘заплакать’), безл. *заплакатися* ‘начать плакать как бы помимо своей воли’, *переплакати* ‘поплакать какое-л. время; перетерпеть, плача’, *наплакатися* ‘наплакаться’ (ср. болг. *наплача се* ‘наплакаться’, пол. *napłakać się* ‘тж.’), *слезами оболяяти, обливатися/облится слезами* ‘горько плакать/заплакать’ (ср. пол. *zalać się łzami* ‘залиться слезами’), *догоняти до слезъ* ‘доводить до слез’; *мычание* ‘плач, стенание’, *возрыдание* ‘рыдание’, *многоплачие* ‘обильное пролитие слез, плач, оплакивание’; *многогорыдальный* ‘сопряженный с сильным рыданием’: *Побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обьдаю.* Ав. Ж., 47. 1673 г. [4, вып. 5, с. 267]; **смех**: [*порскати*] ‘прыскать (от смеха)’ (ср. болг. *пръскам се от смях* ‘лопаться от смеха’, чеш. *vuprsknouti* ‘прыснуть, фыркнуть (со смеху)’), пол. *prysnąć śmiechem* ‘прыснуть со смеху’); **вздохи, стоны**: *ячати* ‘вопить, стонать’ (ср. и.-е. **enq-* ‘вздохнуть, стонать’ : **onq-* ‘реветь; рычать; мычать; орать; ворчать, гудеть’, о.-с. *ęčati, пол. *jęczeć* ‘стонать; охать’), *охати/охнути* ‘охать/охнуть, вздохнуть’; *охание* ‘стон, вздох’; **крик**: *въскликновение* ‘радостный крик, возглас ликования’ и т.д.: *Ради веселия безмърнаго от смъха порскати* [в изд. *порекаати*] или *хохотатинелъно естъ.* Гражд. об. дет., 37. XVII в. [4, вып. 8, с. 175];

– **физиологическое (соматическое) выражение**, в том числе **прекращение двигательной активности**: *измерзати* ‘коченеть, делаться неподвижным от страха’ (ср. болг. *смразявам се, замръзвам* ‘1. замерзать, превращаться в лед; 2. перен. цепенеть (от страха, ужаса)’), пол. *zamrzeć (zestrachu)* ‘замереть от страха’), *обмертвѣти* ‘застыть, оцепенеть; помертветь’, *омертвитися* ‘сделаться неподвижным, оцепеневшим, омертветь’, *ни живѣ, ни мертвѣ* ‘в состоянии оцепенения от испуга. В числе новых компонентов данной парадигмы можно отметить лексемы с антонимичным значением: *очунѣти(-ся)*, [*очнѣти*] ‘прийти в себя (от страха)’, *отерпати* ‘выйти из оцепенения, оправиться от испуга’ и т.п.: *А инии внутрь во граде казанцы... от страха силнаго грянутия омертвеша... и долго лежавше и очинеша от страха того, и смутишася и подвизашася яко пиянии.* Каз. ист., 15. XVII в. ~XVI в. [4, вып. 8, с. 175]; **изменение окраски кожных покровов**: *заплонатися* ‘вспыхнуть, покраснеть от сильного волнения’ (ср. чеш. *zaplánouti* ‘прям. и перен. запыхать, зардеться, вспыхнуть, загореться’, пол. *srłonać* ‘1. сгореть; 2. перен. залиться румянцем; зардеться’) и т.д.: *А посоль бухарской сидитъ подле шаха почернѣвъ, ни живѣ ни мертвѣ, ни одново слова*

не отвѣчалъ. Посольство Тюфякина, 442. 1599 г. [4, вып. 5, с. 101]. Среди единиц, называющих соматические признаки эмоций, ярко выраженной семантической спецификой характеризовались лексемы, входящие в микрополе страха и имеющие значение ‘задрожать’: *вздогну́тися* (ср. пол. *wzdrygnąć się* ‘содрогнуться (о ком-л.)’), *воздрожати*, *потрястися*, *продрожати* и т.д. Существенно, что словари выделяют у данных лексем лишь прямое значение физиологических процессов без указания на чувство, вызывающее эти процессы, хотя иллюстративный материал содержит такие указания (например, *вострястися от страха*). На наш взгляд, по отношению к рассматриваемым и некоторым другим лексемам можно вести речь о синкретичном значении становлении состояния страха/его внешнем проявлении; ср.: *вострепетати* ‘3. затрепетать, испугаться // учащенно забиться от испуга, волнения (о сердце)’. В противном случае нарушается соотносительность данных слов с глаголами, для которых устанавливается переносное значение состояния. Смысловая эквивалентность предикатов типа *воздрожати* и *задрожати* подтверждается, во-первых, тождеством материальных средств (приставок с начинательным значением), во-вторых, фактами сочетания с отвлеченными именами, что свидетельствует о невозможности их трактовки как обозначений биологических явлений. Следует также отметить, что анализируемые единицы образуют описательные обороты с метонимически употребленными названиями органов и частей тела человека (например: *сердце озябло*, *сердце вострепетало*, *ноги задрожали* и др.): *И вострепетало мое ретивое сердце и подрожали мои белые ручки*. Сказ. мол. дев.², 88. XVII в. [4, вып. 3, с. 63].

Особое место среди параэмотивов в старорусском языке занимают лексические единицы со значением акционального выражения чувств. К примеру, как и в предыдущий период, большую долю таких лексем составляют обозначения социологизированных форм внешнего проявления горя, скорби: *осътовати* ‘оплакать’, *обрыдати* II кого, что ‘громко оплакать’, *рюти* и *ревѣти* ‘оплакивать с воплями’ (ср. болг. *рева* ‘1. реветь (о животном); 2. реветь, громко плакать’); *лицедрание* ‘нанесение царапин на лицо в знак печали, траура’, *кушение* ‘действие того, кто плачет, оплакивает кого-л.’ и др.: *И подняша ю отъ земля, аки мертву, съ полу; и видѣша ту вси людие открыто лице ея, кроваво все отъ ногогнаго драния и отъ кушения отъ слезъ ея*. Каз. Лет., 343. XVI–XVII вв. ~XVI в. [4, вып. 8, с. 113]. Наряду с этим отмечаются семантические изменения лексем *оплакивати*, *оплаковати*, *оплакание* (ср. болг. *оплаквам* I ‘1. оплакивать’, *оплакване* ‘2. оплакивание, причитание’, чеш. *oplakávati* ‘оплакивать’) и т.п., входящих в одну корневую группу с параэмотивами, которые в древнерусском языке обозначали ритуальное оплакивание умершего. Об этом свидетельствует, в частности, такая дистрибутивная характеристика указанных единиц, как их сочетаемость с наименованиями абстрактных реалий в объектной позиции, а не с именами

лиц; ср.: *Оплакивает убо Антиохово гонение*. Брун. Толк. псалт., 356. XVII в. ~ 1535 г.; *Бъду свою оплакуемъ*. Курб. Пис., 395. XVII в. ~XVI в. [4, вып.13, с.43]. В рамках рассматриваемой группы были довольно широко представлены лексемы со значением интенциональной деятельности и действий, направленных на достижение состояния радости, удовольствия, причем у некоторых из них акциональная семантика начинает формироваться еще в древнерусскую эпоху, например: *веселятися, глумитися* ‘забавляться, веселиться’, *забавлятися* ‘3. развлекаться, доставлять себе удовольствие’ (ср. и.-е. **bheu-* : **bhōi-* : **bhu-* ‘расти, увеличиваться, развиваться’, о.-с. *baviti se, болг. *забавлявам се* ‘развлекаться, забавляться’, чеш. *zabavovati se čím* ‘развлекаться, забавляться, заниматься чем-л.’, пол. *zabawiać się* ‘1. развлекаться, забавляться, веселиться’), *нъговатися* ‘веселиться, предаваться неге’, *потъшатися, праздничати* ‘веселиться, забавляться, развлекаться’, *прокладатися/прокладитися* ‘приятно проводить/провести время, отдыхать/отдохнуть’, *прохладитися* ‘2. развлечься, погулять, повеселиться’; *забава* ‘3. развлечение, удовольствие’ (ср. болг. *забава* ‘1. забава, развлечение’, чеш. *zábava* ‘1. развлечение, увеселение, забава’, пол. *zabawa* ‘1. игра, развлечение, забава’), *прохладъ* ‘4. развлечение, забава, увеселение’ и т.п.: *Идет велик пир почестен, гости пьютъ – ядятъ, потъшаются*. Горе Зл., VIII (33). XVIII в. ~ XVII в. [4, вып. 17, с. 292]. Необходимо подчеркнуть, что многие из указанных лексем были связаны деривационными отношениями с такими эмоциями радости и удовольствия, которые в древнерусском языке имели отвлеченное значение состояния.

Важно также, что в сфере параземной лексики наблюдаются довольно активные процессы вторичной номинации, в основе которых лежит метафорический либо метонимический перенос. Так, в соответствии с метонимическим принципом концептуализации абстрактных реалий внешнее проявление того или иного эмоционального состояния/отношения становится «знаком» последнего, например: *облобызатися* ‘1. облобызаться; 2. перен. радостно встретиться, сблизиться’ (ср. о.-с. *lobyzati), *помордату* ‘1. усмехнуться, сделать неодобрительную или насмешливую гримасу; 3. презреть что-л.’, *дрогати*(ср. о.-с. **drъgati (se)*), *дрожати* ‘1. дрожать, сотрясаться; 2. дрожать от холода, страха’, *возгодовати, вострястися, дрогнути* (ср. о.-с. *drъgnoti), *задрожати, подрожат*иот кого-чего, *поклонятися* ‘1. поклоняться, молиться кому-л.; чтить кого-л., что-л. как божество; 3. почтительно кланяться, склоняться перед кем-л. в знак почтения, благодарности’, *кланятися* ‘1. поклоняться кому-, чему-л.; 3. кланяться кому-л. в знак приветствия, почтения, благодарности’; *объятие* ‘1. объятие, обнимание // перен. благосклонность’ и др.: *И вопросы ихъ царь, глаголя: гдѣ суть отступници, они... небрегитъ о страшнемъ повелѣнии нашемъ, и помордавшигъ о страсть честныхъ богъ*. ВМЧ, Окт. 19–31, 1779. XVI в. [4, вып. 9, с. 350]; *Да се вгдѣще правовѣрнии людие вострясошася...* ВМЧ,

Ноябрь 13–15, 948. XVI в. [4, вып. 3, с. 64]. Метафорическое переосмысление внешней экспрессии эмоций в русском языке XV–XVII вв. не было столь продуктивным; ср.: *зияти* ‘1. разверзаться, раскрываться; зиять; 3. перен. смотреть с вожделением, желая поглотить // пожирать глазами (с гневом и завистью)’, *зайтися* ‘1. задержаться; 2. долго, безудержно смеяться’; *кроение* ‘1. резание; обрезание; 2. нанесение себе порезов в знак печали’ и др.: *Попъ Лазарь въ писанияхъ своихъ писа суетно и тщетно, зияя аки волкъ на всѣхъ пастырей церковныхъ во архиерейстѣмъ санѣ* (Переч. раскольников) Суб. Мат. II, 15. 1666 г. [4, вып. 6, с. 6].

В заключение можно сделать следующие **выводы**. Прежде всего, в русском языке XV–XVII вв. происходит уменьшение лексем с синкретичным значением, которые одновременно называют и саму эмоцию, и ее внешнее проявление в разнообразных формах. В отличие от древнерусского периода в сфере параэмотивной лексики наблюдаются также довольно активные процессы вторичной номинации, связанные с метафорическим либо метонимическим переносом. Вместе с тем, как и в предыдущую эпоху, для языкового сознания наиболее актуальными представляются конвенциональные телесные признаки эмоций, прежде всего смех и плач, которые получают довольно подробную номинацию; кроме того, расширяется репертуар языковых единиц, обозначающих акциональное (поведенческое) выражение эмоций.

Список литературы

1. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
3. Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М.: Наука, 1966. – С. 63-74.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–27. – М.: Наука, 1975–2006.
5. Тело в русской культуре: сборник статей / сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 400 с.

Рецензенты:

Каримова Р.А., д.фил.н., профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа.

Салихова Э.А., д.фил.н., профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики
Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа.